

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)"12/14"

**ЗОЛОТАЯ ОРДА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ
УПРАВЛЕНИЕМ И ВЕРОУЧЕНИЕМ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДИЛОГИЕЙ А.Г. ЮРЧЕНКО**

**(Золотая Орда: между Ясой и Кораном.
Начало конфликта. СПб.: Евразия, 2012;
Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры
повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012)**

Ю.В. Селезнёв

(Воронежский государственный университет)

Статья представляет собой рецензию на две монографии А.Г. Юрченко, в которых исследуется конфессиональная ситуация в Джучиевом Улусе в XIII–XV вв. В диалогии исследователя анализируется структура повседневности ордынского государства на протяжении XIII–XIV вв. на предмет соотношения религиозных и управленческих начал. Делается вывод о более сложной структуре ордынского общества в плане конфессионального и государственного устройства Джучиева Улуса. В рамках анализа приведенных А.Г. Юрченко аргументов вытекает вывод о сохранении сложной социальной структуры и после принятия Узбеком ислама. При этом выстроенная на кочевой традиции имперская «вертикаль власти» и сопутствующие её ритуалы менялись медленно и не охотно. Тем не менее, на высшем управленческом уровне, в среде элиты Орды принадлежность к мусульманской вере стала обязательной, и только она позволяла занимать высшие должностные посты в государстве. Такое положение вероучения в политической системе с полным основанием можно называть государственной идеологией / государственной религией. При этом выделенные А.Г. Юрченко аспекты (модель кочевого государства, где религиозные институты отделены от государства и сакрально-религиозные, мировоззренческие дискурсы источников по истории Орды) заслуживают пристального внимания и дальнейшей разработки. Для понимания течения общественных процессов в Джучиевом Улусе в XIII–XV в., для приближения к научному познанию реальности истории Орды, невозможно не критически относиться к данным источников, рассматривая ордынскую действительность через призму идейно-религиозных мировоззренческих доктрин, в особенности – средневековых. В работе приведены дополнительные аргументы, как в пользу концептуальных построений автора, так и в их опровержение. Делается заключение о необходимости внимательного крити-

ческого отношения к данным средневековых источников по истории Орды, учитывая наработки, предложенные А.Г. Юрченко.

Ключевые слова: Джучиев Улус, Золотая Орда, Узбек, ислам, XIII–XIV в.

Увидевшие свет в 2012 г. две книги Александра Григорьевича Юрченко представляют собой диологию (одна продолжает другую), затрагивающую одну крупную проблему истории Золотой Орды. Эта проблема – становление ислама как государственной религии в Джучиевом улусе.

В современном общественном сознании господствует постулат о том, что монотеистические религии, имеющие жесткую идейную и церковную организацию, являются более высокой ступенью развития, как в культурном, так и политическом плане, нежели язычество или шаманизм. От этого тезиса отталкиваются исследователи, признавая по умолчанию, что именно монотеистические религии должны быть использованы для строительства и укрепления государства. Вполне логично и закономерно, что монгольские каганы и золотоордынские ханы просто не могли не воспользоваться такой возможностью для значительного укрепления авторитета своей власти. Для иллюстрации подобного суждения можно привести красноречивую цитату из работы М.Х. Абусейтовой, которую привлекает А.Г. Юрченко: «С принятием ислама в Золотой Орде получила распространение ... сравнительно высокая арабская культура, новая религия способствовала усилению господствующих классов, и, в первую очередь, власти самого хана» [1, с. 152, прим. 48; 12, с. 92].

Однако А.Г. Юрченко предлагает иную модель развития событий применительно к Монгольской империи и Ордынскому государству.

В первую очередь необходимо отметить, что автор предлагает по-новому взглянуть на идейную и идеологическую основу Монгольской империи, как государства. Основой политической доктрины монголов эпохи завоеваний и становления государства (XIII в.) определяется А.Г. Юрченко как упование монголов на волю Неба для стремления к могуществу и господству [12, с. 39]. Обозначенная доктрина в соответствии со средневековым менталитетом должна была занять место сакральных верований, стать новой религией. Для подтверждения своих наблюдений А.Г. Юрченко приводит рассуждения Роджера Бэкона, который «понял, что религией монголов и высшей целью является достижение могущества и господство над миром» [13, с. 16]. Данная формулировка склоняет нас к ключевому заключению о том, что Чингиз-ханом было построено государство на основе светских, в первую очередь, политических ценностей, в противовес господствовавшим в то время (да и нередко в наше время) теократическим доктринам. Автор, в частности, подчеркивает: «...была осуществлена

попытка построить политическую систему, где религиозные институты отделены от государства, что, разумеется, было абсолютно неприемлемо для духовных лиц ислама» [13, с. 33].

С данным выводом о приоритете в империи политических институтов вступает в противоречие один из тезисов главы о казни в Орде князя Михаила Черниговского. Исходя из представления об исключительной монгольской политической культуре, доказывая, что «с позиции монгольской аристократии любая фигура, претендующая на независимость, будь то местный царевич, или местный династ, угрожал имперскому порядку» [13, с. 48], А.Г. Юрченко полагает, что житийная история смерти князя не соответствует ордынской практике приведения приговора в исполнение: «У нас есть только один факт, который не был искажен легендой: Михаила убили не по-монгольски, а обезглавили труп по-монгольски» [12, с. 267]. Из данного наблюдения исследователя возникает вполне закономерное недоумение: почему при дворе Батыея, в нарушение его судебных прерогатив, осуществляется, по сути, убийство князя и его боярина? Ведь казнь не по монгольскому обычаю есть не что иное, как присвоение властных полномочий хана. А это вступает в непреодолимое противоречие с формулой верховной власти, приведенной Рашид ад-дином (который вкладывал её в уста ильхана Абаги): «древний бог отдал страны мира Чингиз-хану и его потомкам, а непокорных вождей привел в ярмо повиновения нам. Каждого, кто воспротивится избраннику счастья, того постигнет несчастье» [10, с. 89]. Противодействие этой установке рассматривалась как государственная измена (это в полной мере относится как к самому князю Михаилу, так и к палачам, которые якобы присвоили властные функции).

Однако нет оснований полагать, что последовательность действий палачей передана со значительными искажениями: задачей православного автора было найти соответствия наблюдаемым событиям в Священном Писании, а не выдумать их. При этом, то, что не находило соответствий в сакральных текстах, как правило, просто опускалось: такие события не считались важными [7, с. 152].

Более того, в монгольской судебной практике наблюдаются аналогии процедуре казни Михаила, что позволяет не согласиться с тезисом А.Г. Юрченко – Михаила казнили именно по-монгольски. Это означает, что и вину, за которую он был предан смерти, необходимо искать в политическом поле Монгольской империи.

Наиболее близким примером служит казнь эмира Букая. В 1289 г. против ильхана Аргуна в Иране был составлен заговор, который возглавил упомянутый эмир. Заговор был раскрыт, эмир взят под стражу и по приказу хана казнён. Рашид ад-дин описывает приведение приговора следующим образом: когда приговоренного привели на место казни **«Туган пнул его ногою в грудь и сказал: «Ты де таил в себе жажду [завладеть] престолом и царством, вот же тебе воздаяние за это», и Джушкаб одним ударом отсек ему голову,**

после того как своею рукой вырезал [у него] из спины ремень. Кожу с его головы набили соломой и повесили в назидание [прочим] на краю» [10, с. 121]. Мы видим, что два важных элемента – удар ногой в грудь и отсечение головы – точно аналогичны процедуре казни князя Михаила Всеволодовича.

Другой пример подобной казни мы находим также в практике приведения смертного приговора в государстве ильханов. В 1297 г. эмир Новруз был приговорён к смерти. Приговор был приведен в исполнение следующим образом: «эмир Кутлугшах приказал его повалить наземь и переломить пополам. Его голову он через Пулад-Кия послал на служение к его высочеству» [10, с. 177]. Здесь мы наблюдаем совпадение других элементов: поваливание на землю и казнь без пролития крови, после чего отрезается голова (как и в случае с Михаилом Черниговским). Причем, Газан-хан приказал казнить «всех людей Новруза: [его] детей, пособников и подначальных» [10, с. 174]. Как и в случае с Букаем, Новруз был обвинён в измене («прежде чем появятся последствия **измены и коварства**, надобно выполнить условия предосторожности и осмотрительности») [10, с. 174] и в мятеже («Новруз преступник и лжец, противится и **востает на Газан-хана**») [10, с. 175].

Таким образом, мы видим, что измена и мятеж против хана влекли за собой смертный приговор, который приводился в исполнение специальным образом: приговоренного били в область грудины, валили наземь и забивали до смерти или ломали хребет, после чего отрезали голову.

Показательно, что князь Михаил Всеволодович Черниговский был казнён именно так. Следовательно, в монгольской политической картине мира и правовом поле государства он считался изменником и мятежником.

Сам Михаил не считал себя изменником, ведь законов империи он ещё не признал, а значит, их нарушение не является преступлением. Не могли посчитать его изменником и русские книжники, ведь главная измена христианина – это отступничество от Бога: «Сказание» как раз и подчеркивает, что верность Всевышнему князь сохранил.

Монголы же, напротив, считали Михаила заговорщиком и мятежником. Михаил имел постоянные, в том числе родственные связи с венгерским королём, что, по мнению А.А. Горского могло повлиять на отношение к князю при дворе Батыея [2, с. 153–154]. Кроме того, основанием для обвинений, вероятно, было военное поражение князя, которое должно было повлечь за собой включение его княжества и его самого в ордынскую систему государственности. Вызывало настороженность его постоянное вооруженное сопротивление монгольским войскам, что немислимо с точки зрения покоренных (потерпевших военное поражение) верховной власти монгольского владыки.

Второй ключевой тезис рассуждений петербургского исследователя состоит в том, что все средневековые авторы текстов, кото-

рые современные исследователи обязаны использовать в качестве источников, были носителями той или иной космогонической доктрины. А.Г. Юрченко вполне закономерно полагает, что будучи носителями того или иного религиозного мировоззрения именно через его призму свидетель событий воспринимал их, а затем воспроизводил в записях. Несомненно, что кругозор такого автора был ограничен рамками восприятия привычного для него миропорядка. И, следовательно, то, что не вписывалось в систему представлений о мироздании, не могло быть замечено, этому не могло быть придано какой-либо важности и значимости. Тогда мусульманин описывает увиденное им в Золотой Орде с точки зрения исламского вероучения, христианин – через постулаты Священного Писания, буддист – исходя из своих представлений о мире. В результате исследователь получит противоречивую картину: все авторы опишут разные стороны жизни ордынского общества, но все они будут вписаны в соответствующий миропорядок и описаны соответствующими словами и категориями.

Более того, представитель соответствующего религиозного течения будет видеть подтверждения своим представлениям о мире, искать встречи со своими единоверцами, общаться именно с ними. Следовательно, его описание реальности будет основано только на выявленных событиях и фактах вписывающихся в соответствующую сакральную картину мира. А значит, реальность окажется изначально искажена. В ситуации, когда по истории кочевых государств, в том числе Джучиева улуса, в руках исследователя оказываются источники исключительно внешнего происхождения (собственно ордынских источников крайне мало), положение выглядит поистине катастрофическим.

Тем самым А.Г. Юрченко ставит важный гносеологический вопрос: в какой степени мы можем доверять явно однобокому, узкосфокусированному взгляду. И тем более делать из этого взгляда широкие выводы, касательно религиозной политики ордынских ханов и структур повседневности подданных империи.

Вполне закономерно, поэтому, что автор на широком сравнительном материале всей Монгольской империи находит массу аргументов в пользу доказательств того, что с принятием Узбеком мусульманства Золотая Орда не стала исламским государством. В Джучиевом улусе сохранялись устойчивые традиции кочевой империи, её политическая культура, которую как своеобразную религиозную доктрину А.Г. Юрченко противопоставляет не только исламу, но и христианскому вероучению.

Правда, отмечая, что «отдельной увлекательной задачей является исследование образа Узбека по материалам русских летописей и византийских сочинений» [13, с. 236; 3, с. 287], в качестве аргументов в пользу своей концепции упускает из вида сообщение русских летописей о том, что «царь Озбякъ сѣлъ на царствѣ и обесерменился» [9, с. 87–88]. А между тем, сама формулировка летописной записи под-

разумеает, что именно глава государства принял ислам, что может быть истолковано двояко: только Узбек, как частное лицо, принял ислам как личный религиозный акт; либо – хан как глава государства, приведя к исламу всю Золотую Орду.

Немаловажно и свидетельство Новгородской Первой летописи, в которой под 6849 (1341) г. отмечено: «Тои же зимы **умре цесарь Озбякъ поганый**» [6, 353]. Ордынский хан упомянут с эпитетом «поганый», что подчеркивает его языческое состояние (?). Этот любопытный факт также может быть использован в подтверждение концептуальных построений А.Г. Юрченко: по мнению летописца, даже приняв ислам, Узбек остался, по сути, языческим правителем!

Другое немаловажное свидетельство содержится в «Житии Михаила Тверского». Автор агиографического памятника, к примеру, отмечает: «... и седеинь царь, именем Озбяк. И **виде Богъ мерьскую веру сарацинскую**, и оттоле начаша не щадити рода крестьянска, якожебо о **таковом рекоша** царские дети, **в плену в Вавилоне сущии**» [5, с. 72]. Именно в «Житии» концептуально оформляется идея «вавилонского плена», татарский хан приравнивается к Новохудоносору, а исламизация Джучиева улуса представлена как событие государственного значения. Причём мотив «Вавилонского плена» и факт перехода Золотой Орды в мусульманство в «Житии...» поставлены в прямую зависимость. Данное известие, таким образом, наоборот опровергает тезис о личном характере принятия ислама Узбеком.

В пользу концепции А.Г. Юрченко могут свидетельствовать и статистические данные. Из почти 1300 (точнее – 1287) известных представителей знати Джучиева улуса представители исламского вероучения, персонифицируемые по данным источников, составляют 47 человек (3,6% от общего числа) [выборка сделана по: 11, с. 24–226]. Причем, подавляющее большинство из них (29) названо Ибн Баттутой. Вполне закономерно возникает вопрос: если ислам в Золотой Орде был значительным государствообразующим элементом, а с 1312 г. – государственной религией, то почему на страницах источников сохранилось так мало персоналий? Логично предположить, что в политической системе Золотой Орды мусульманские служители и ислам не играли значимой роли. А значит, принятие ислама ханом Узбеком носило личное, а не государственное значение. Тем более такое значение носило принятие ислама Берке, Ногаем или иными политическими деятелями Орды.

Таким образом, статистические данные как бы подтверждают концептуальные построения А.Г. Юрченко. Однако имеются не учтенные автором свидетельства, опровергающие так тщательно подобранные аргументы. В частности, А.Г. Юрченко упустил из вида информацию брата Иоганки о конфессиональной ситуации в улусе Баскардия в 1320-х гг., то есть, десятилетием ранее пребывания в Золотой Орде Ибн Баттуты. Венгерский миссионер отмечает, с одной стороны, что судьями в Баскардии (восточные венгры) у «большого

народа, подчиненного татарам» были христиане-несториане, которые легко приняли католичество. При этом исламские проповедники всячески препятствовали католическим миссионерам вплоть до тюремного заключения и угрозы смерти. Однако на убийство они не решились, опасаясь наказания от ордынских властей, «**ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют**». Казалось бы, данные свидетельства полностью подтверждают концепцию А.Г. Юрченко. Мы здесь видим и представления католического миссионера о благоволении ордынцев именно к его религии, и сохранившуюся после принятия Узбеком ислама веротерпимость, в том числе на административных постах – судейские должности, и обозначение «татар» не как этнос, а как, скорее, некой религиозной категории, которые «не любят мусульман и благоволят христианам».

Однако же одновременно брат Иоганка отмечает, что «**Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением** (*Set principem totius Ba[s]cardie cum maiori parte familie invenimus errore Saracenorum totaliter infectum*)». То есть, глава улуса, который, по всей видимости, был чингизидом или происходил из весьма знатного и весомого татаро-монгольского служилого рода и, следовательно, принадлежал к высшему слою элиты, являлся мусульманином. При этом при попытке склонить данного государя/князя к католическому вероучению братья-францисканцы получили ответ: «Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступить от него и переходить к другому». Таким образом, мы видим, что владетельные особы высокого уровня (улусбеки) приняли мусульманство, и их исламизация была устойчиво связано с их правами на власть. То есть, именно политические и государственные институты высшего уровня были пронизаны исламской доктриной, что увеличивало распространение религии среди менее привилегированных слоёв населения и внедрению в структуры повседневности. Здесь необходимо согласится с тезисами Д.М. Исхакова и Р.Ю. Почекаева о том, что имперская кочевая политическая культура может вполне включить в свою систему элементы, источником которых является ислам, сочетаться между собой в различных сферах жизни и деятельности обществ, в особенности, на уровне элит [4, с. 102; 8, с. 286]. Их принципиальное противопоставление в отношении Джучиева улуса стоит расценивать как поспешность, которая может привести к утере значительного пласта информации по истории Золотой Орды XIII–XIV вв.

Несомненно, структура повседневности золотоордынского государства на протяжении XIII–XIV вв. оставалась сложной системой, в которой одну из важных позиций занимала исламская культура. Оставалась она не менее сложной и после принятия Узбек-ханом ислама: построенная на кочевой традиции, имперская «вертикаль власти»

и сопутствующие её ритуалы менялись медленно. Тем не менее, на высшем управленческом уровне, в среде элиты Золотой Орды принадлежность к мусульманской вере стала обязательной, и только она позволяла занимать высшие должностные посты в государстве. Такое положение вероучения в политической системе мы с полным основанием можем назвать государственной идеологией / государственной религией.

Тем не менее, два выделенных аспекта работ А.Г. Юрченко (модель кочевого государства, где религиозные институты отделены от государства и сакрально-религиозные, мировоззренческие дискурсы источников по истории Золотой Орды) заслуживают пристального внимания и дальнейшей разработки. Для понимания течения общественных процессов в Улусе Джучи в XIII–XV вв., для приближения к научному познанию реальности истории Золотой Орды, невозможно некритически относиться к данным источников, рассматривая ордынскую действительность через призму идейно-религиозных мировоззренческих доктрин, в особенности – средневековых. Нельзя не учитывать и самобытность политической культуры Монгольской империи, о которой мы имеем самые общие представления, причем, из явно тенденциозных внешних источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абусеитова М.Х.* [Комментарии]. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. 296 с.
2. *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6 / отв. редактор А.А. Горский. М.: «Индрик», 2006. С. 138–154.
3. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. 376 с.
4. *Исхаков Д.М.* О некоторых аспектах конфессиональной ситуации в Улусе Джучи в начальный период правления хана Узбека // Золотоордынская цивилизация. 2013. Вып. 6. С. 98–105.
5. *Кучкин В.А.* Повесть о Житии Михаила Тверского. М., 1974. 291 с.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 642 с.
7. *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: 2003. 720 с.
8. *Почекаев Р.Ю.* Золотая Орда: между средневековыми арабскими хронистами и современным независимым историком // Золотоордынская цивилизация. 2013. Вып. 6. С. 282–290.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М.: 2007. 328 с.
10. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. 340 с.
11. *Селезнёв Ю.В.* Элита Золотой Орды: научно-справочное издание. Казань, 2009. 232 с.
12. *Юрченко А.Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.

13. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, доктор исторических наук (394068, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация); orda1359@mail.ru

THE GOLDEN HORDE BETWEEN GOVERNANCE AND RELIGIOUS DOCTRINE: REFLECTIONS ON A.G. YURCHENKO'S DUOLOGUE

(Golden Horde: Between Yasa and Quran. Beginning of the Conflict. SPb.: Evraziya, 2012; Khan Uzbek: Between Empire and Islam (structure of everyday life). Compendium Book. SPb.: Evraziya, 2012)

Yu. V. Seleznev

(Voronezh State University)

This article contains a review of two monographs by A.G. Yurchenko. In both monographs Yurchenko explores religious situation in the ulus of Jochi in the 13th–15th centuries. The author of duologue analyzes the structure of everyday life in the Horde State during the 13th–14th centuries, reflecting the ratio of its religious and administrative bases. Yurchenko comes to a conclusion about the existence of a more complex structure of the Horde society in terms of the confessional and political structure of the ulus of Jochi. According to the arguments presented by Yurchenko, one can conclude that the complex social structure preserved even after the Uzbek's adoption of Islam. At the same time, the imperial "vertical of power" based on nomadic tradition and corresponding rituals changed slowly and reluctantly. However, at the highest administrative level, among the Horde elite, belonging to the Muslim faith became mandatory, and only this affiliation allowed to occupy senior posts in the State. This status of religious doctrine within the political system can justifiably be called a State ideology or religion of the State. At the same time, aspects highlighted by Yurchenko (a model of nomadic State, where religious institutions are separated from the State, and sacral-religious, philosophical discourses of sources on the history of the Horde) deserves attention and further development. To understand the current of social processes within the ulus of Jochi during the 13th–15th centuries, to get closer to scientific knowledge of the real history of the Horde, one should critically deal with the sources and consider the Horde's reality through the prism of ideologico-religious and philosophical doctrines of the time, especially, in the Middle Ages. This article provides additional arguments both in favor of conceptual constructions of the author and in their rebuttal as well. Author of the review finds it necessary to carefully and critically deal with information of medieval sources on the history of the Horde, taking into account conclusions proposed by Yurchenko.

Keywords: Ulus of Jochi, Golden Horde, Uzbek, Islam, 13th–14th centuries.

REFERENCES

1. Abuseitova M.Kh. [Kommentarii]. *Utemish-khadzhi. Chingiz-name* [Ötemish-Hajji. Chingiz-name]. Faksimile, per., transkr., tekstol. primech., issled. V.P. Yudina. Alma-Ata, 1992. 296 p.
2. Gorskiy A.A. Gibel' Mikhaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh knyazey s Ordoy [Death of Michael of Chernigov in Context of the First Contacts of Russian Princes with the Horde]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Is. 6. Otv. redaktor A.A. Gorskiy. Moscow, Indrik, 2006, pp. 138–154.
3. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo: mozno li sdelat' iz «varvara» khristianina?* [Byzantine Missionary Work: Whether it is possible to make Christian of a “Barbarian”?]. Moscow, 2003. 376 p.
4. Iskhakov D.M. O nekotorykh aspektakh konfessional'noy situatsii v Uluse Dzhuchi v nachal'nyy period pravleniya khana Uzbeka [Some Aspects of Religious Situation in the Ulus of Jochi in the Initial Period of Khan Uzbek's Reign]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 6. 2013, pp. 98–105.
5. Kuchkin V.A. *Povest' o Zhitii Mikhaila Tverskogo* [Tale of the Life of Michael of Tver]. Moscow, 1974. 291 p.
6. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* [Older and Younger Recensions of the First Novgorod Chronicle]. Moscow, Leningrad, 1950. 642 p.
7. Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Moscow, 2003. 720 p.
8. Pochekaev R.Yu. Zolotaya Orda: mezhdru srednevekovymi arabskimi khronistami i sovremennym nezavisimym istorikom [The Golden Horde: Between Medieval Arab Chroniclers and Contemporary Independent Historian]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 6. 2013, pp. 282–290.
9. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18. Simeon Chronicle]. Moscow, 2007. 328 p.
10. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow, Leningrad, 1946. Vol. 3. 340 p.
11. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordyy: nauchno-spravochnoe izdanie* [Elite of the Golden Horde: Academic Reference Publication]. Kazan, 2009. 232 p.
12. Yurchenko A.G. *Zolotaya Orda: mezhdru Yasoy i Koranom. Nachalo konflikta* [Golden Horde: Between Yasa and Quran. Beginning of the Conflict]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 368 p.
13. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdru imperiey i islamom (strukturnyy povsednevnyy zhiznennyy aspekt)*. *Kniga-konspekt* [Khan Uzbek: Between Empire and Islam (structure of everyday life). Compendium Book]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 432 p.

About the author: Yury Vasilievich Seleznev – Associate Professor of Historical faculty of the Voronezh State University, Dr. Sci. (History) (394068, Moskovsky Avenue, 88, Voronezh, Russian Federation); orda1359@mail.ru